

Глава 14. Омовение

Алый румянец мгновенно залил белую кожу — от шеи вверх, по щекам. Чи Шэнь резко вскочил; в глазах, на миг прикрытых ресницами, вспыхнуло негодование.

— Я говорю совершенно серьёзно, а ты надо мной смеёшься? Сравниваешь меня с женщиной?

Сян Тянью не ожидал такой бурной реакции. При последних словах лицо его слегка застыло; он тоже встал.

— Вот говорю же — мало ты видел в жизни. В этом мире есть мужчины, которые любят мужчин... Нет, я совсем не то имел в виду. Просто сболтнул, чтобы тебя поддразнить. Не хотел всё испортить — приношу свои извинения.

С этими словами он сложил руки и уже приготовился поклониться. У Чи Шэня нрав вспыльчивый, но и остывает он быстро — он торопливо схватил его за руку.

— Не надо, братец. Это я погорячился.

Мелькнула другая мысль: «В прежнем мире любовь между мужчинами давно никого не удивляла. Не ожидал, что братец тоже об этом знает». Чи Шэнь смущённо спросил:

— Мужчина с женщиной... братец разве не находит это странным?

Сян Тянью не понял, к чему тот клонит, и осторожно ответил вопросом:

— А ты сам — разве находишь?

Увидев, что Чи Шэнь, хоть и поколебавшись, всё же покачал головой, он продолжил:

— Когда сердце уже отдано — пусть это хоть демон, хоть чудовище, всё равно не остановишься. Что значат пол или возраст? Я давеча болтал вздор, только чтобы тебя поддразнить. Я при выборе спутника смотрю не на красоту, а на то, чтобы понять друг друга и быть вместе. Внешность — это второстепенное.

Чи Шэнь окончательно остыл. Вспомнив, как совсем недавно уверенно собирался читать Сян Тянью нотации — и снова оказался его жертвой, — он залился краской смущения.

Сян Тянью усадил его обратно и сменил тему:

— Дело с пилюлей Заохуа я сегодня окончательно уладил с отцом. В императорской аптеке

хранятся две готовые пилюли; благодаря его авторитету одну можно получить. Завтра вечером уже займёмся твоими духовными корнями.

***

Солнце взошло и зашло, луна поднялась на середину небосклона. В мгновение ока наступил следующий вечер.

— Держи воду в купальне тёплой всё время, — распорядился Сян Тянью служанке. — Все три бадьи. Этой ночью они понадобятся в любой момент.

Та не поняла, к чему это, но переспрашивать не посмела — поклонилась и пошла готовить.

Войдя во внутренние покои, Сян Тянью обнаружил Чи Шэня на кровати: сбросив верхнее одеяние, тот сидел по-турецки и ждал. В руках Сян Тянью держал небольшую деревянную шкатулку; открыл её, лишь подойдя вплотную.

На дне шкатулки лежала молочно-белая пилюля — с ровным, светящимся блеском, точно маленькая жемчужина из морских глубин. Аромат бил в нос непрерывным потоком. Чи Шэнь почувствовал, как дух воспрял, а тело наполнилось покоем.

— Пилюля Заохуа и вправду оправдывает свою славу, — не сдержал он восхищения.

— Скорее бери и глотай. Пока действие полностью раскроется, пройдёт час-другой. После — омовение, и можно спать.

— Угу. — Чи Шэнь осторожно взял пилюлю, положил в рот и с громким глотком проглотил.

Подождал. Никакой реакции.

Уже открыл рот, чтобы спросить, — как вдруг внизу живота полыхнул жар. Следом волна тепла поднялась из дань-тяня, растекаясь неторопливыми завитками — нить за нитью пронизывая каждую кость, каждый сустав, капля за каплей просачиваясь в глубь внутренностей. Это ощущение не поддавалось описанию: даже вознесение в небеса не дало бы большего блаженства. Тело стало лёгким, будто тонущим в облаках.

Сян Тянью смотрел, как щёки Чи Шэня заалели, а розовый отсвет разлился по всему телу; на лице проступило блаженное, небывалое прежде умиротворение. Юноша покачивался, точно завзятый пьяница, осушивший целый кувшин вина выдержки в тысячу дней. Пилюля начала действовать — а на душе у Сян Тянью стало тревожно.

Чи Шэнь наслаждался этим около времени, пока горит одна курительная палочка, — как вдруг

всё тело содрогнулось. Черты лица мучительно скривились; он схватился за живот и, вскрикнув, заторопился сползти с кровати.

— Братец, выйди скорее! Живот не выдержать!

Сян Тянью увидел, что тот скрючился почти в узел, и, подхватив на руки, понёс к ночному горшку в углу.

— Нынче случай особый — я должен быть рядом всё время, на случай малейшей неожиданности. Стоит ли сейчас думать о таких вещах? Я отвернусь. Позовёшь, когда закончишь.

Пока тот стоял спиной, Чи Шэнь был на грани — и сил думать о чём-то другом уже не оставалось. Торопливо управившись, он почти сразу почувствовал: живот скрутило снова. Пришлось вернуться.

Так повторялось три или четыре раза, пока Чи Шэнь не оказался на грани полного истощения — ноги отказали совсем. В последний раз Сян Тянью сам перенёс его на кровать.

За двадцать два года прежней жизни и нынешних шесть лет Чи Шэнь ни разу не оказывался перед кем-то в таком унижении. Усталость мешалась со стыдом — и он не сдержался: разрыдался в голос, горько и беспомощно. Чем больше стыдился, тем меньше мог остановиться. Казалось, умереть было бы легче.

Сян Тянью и сочувствовал, и с трудом сдерживал улыбку — подумал только, что у Чи Шэня уж больно тонкая кожа. Отвёл худенькие руки, которыми тот закрывал лицо, вытер слёзы и уже собирался что-то сказать в утешение — как дыхание Чи Шэня внезапно участилось, сквозь зубы вырвалось шипение, и боль уже не давала молчать.

Сначала внутренности скрутило так, будто все они сдвинулись со своих мест. Потом взялись болеть кости — все, до единой. Спину прошиб пот, белоснежное исподнее промокло насквозь.

Лицо Чи Шэня из алого стало белым, а потом приобрело синюшный, почти лиловый оттенок. Сян Тянью крепко прижал его к груди, слушая, как тот без умолку стонет: «Больно... так больно!» В какой-то момент не оставалось иного выхода, как вложить намоченный платок ему в зубы — чтобы в беспамятстве не прикусил язык. После этого вскрики превратились в приглушённые невнятные стоны, от которых сердце щемило втрое сильнее.

Продержавшись долгое время, Чи Шэнь вдруг закатил глаза — был готов потерять сознание. Сян Тянью почувствовал, как сердце кровоточит, но рук не ослабил: быстро нажал на главные точки у него на темени, не давая провалиться в беспамятство. Увидев слёзы на его щеках, сам почувствовал, что глаза стали влажными. Прижав голову Чи Шэня к своей груди, тихо говорил:

— Потерпи ещё немного! Когда духовные корни пробудятся — куда угодно под этим небом мы сможем пойти вместе!

Услышав эти слова, Чи Шэнь закрыл глаза и едва заметно кивнул. Говорить он не мог — но в душе думал: «Лишь бы исполнилось желание брата. Любую боль стерплю».

Словно по наитию — в груди вдруг разлилось тепло, жар пополз вверх по левой руке. Чи Шэнь слегка пошевелил рукой, опустил взгляд — и увидел тёмную длинную полосу, пронизавшую её насквозь. С усилием поднял руку и поднёс к глазам Сян Тянью.

Тот не испугался — напротив, лицо его озарилось радостью. Извлёк из-за пояса тонкую иглу, взял ладонь Чи Шэня и вытянул её за край кровати.

— Не бойся. Выпустим ядовитую кровь — и тебе сразу станет легче.

Пока говорил, игла блеснула. Чи Шэнь не успел разглядеть движения — лишь почувствовал укол в кончик среднего пальца, и струя чёрно-лиловой крови хлынула наружу. Запах был ещё более тошнотворным, чем всё, что было прежде.

По мере того как ядовитая кровь вытекала, лицо Чи Шэня оставалось мертвенно-бледным — однако сознание постепенно прояснялось. Впалые щёки делали персиковые глаза ещё темнее и ярче.

Но и это было ещё не всё. Следом кожу обожгло так, будто он оказался посреди костра; выстрадав ещё немного, он почувствовал, как по всей коже проступил густой серый слизистый налёт — такой терпкий и зловонный, что Чи Шэнь едва не задохнулся.

Сян Тянью сиял от радости. Подхватил юношу на руки и быстро направился к выходу.

— Всё. Получилось!

Услышав это, Чи Шэнь почувствовал, как что-то отпустило внутри. Голова сама собой завалилась набок — сил не осталось даже на то, чтобы пошевелить пальцем.

***

Служанка скучала в ожидании — как вдруг хозяин вошёл, держа на руках молодого господина и неся с собой невыносимую, ни на что не похожую вонь. Едва не вырвало — прежде чем она успела подготовиться. Она поспешно прикрыла рот рукой, тут же спохватилась, что это невежливо, опустила руку и задержала дыхание.

Сян Тянью не стал её смущать — заговорил очень мягко, с улыбкой:

— Ступай. Ложись сегодня пораньше. Остальное успеем завтра.

Служанка поклонилась, осторожно затворила за ними дверь и удалилась.

В несколько движений Сян Тянью сорвал с юноши насквозь грязное одеяние и опустил его в первую бадью. Взял с подноса мягкую щётку с тонкой щетиной и тщательно смыл с него всю скверну. Вода быстро стала мутно-чёрной — рук и ног, погружённых в неё, уже было не разглядеть.

Вынув его из бадьи и переложив во вторую, Сян Тянью взял мыло с сандаловым ароматом и принялся методично намыливать юношу. Тут Чи Шэнь понял, что что-то не так, — но руки и ноги не слушались, поднять их стоило большого труда. Хотел возразить, однако без посторонней помощи не мог обойтись. Оставалось лишь стиснуть зубы и притвориться бесчувственным — убеждая себя, что он всего лишь малый ребёнок, у которого ещё и пушок не вырос.

Когда же рука Сян Тянью потянулась к тому месту, Чи Шэнь не выдержал. Ноги предательски задрожали, и он взмолился:

— Братец, туда уж не надо, пожалуйста...

— Нельзя. Там грязнее всего, — безапелляционно отрезал Сян Тянью, и даже развёл его колени чуть шире — прошёлся везде, не пропустив ни единого уголка.

Поначалу его движения были деловиты и бесстрастны. Но со временем, скользя пальцами по нежнейшей, шелковистой коже в самом уязвимом месте юноши, он стал ощущать нечто неопределённое — смутное, от чего становилось не по себе. Движения рук невольно изменились. Уже не совсем ради очищения.

Нынешнему телу Чи Шэня не было и двенадцати. Некрупное телосложение, а то самое место — совсем маленькое, нежное; совершенно иное на ощупь, чем у него самого. Сколько ни касался — никакого отклика. И всё равно рука не желала убираться.

Эта перемена не прошла мимо Чи Шэня. Десять пальцев на ногах сжались; голос дрогнул — почти по-детски:

— Братец...

Хотел сказать «не обижай меня» — но постыдился.

Этот зов остановил Сян Тянью. Пальцы медленно замерли; он накрыл ладонью, мягко сжал — и, зайдя сзади, смыл остатки мыла.

Взгляд скользнул выше. Плечи и голова Чи Шэня возвышались над водой; вишнёвые точки на груди едва угадывались сквозь мыльную дымку — от этого казались ещё прелестнее. Свободная рука Сян Тянью наконец нашла куда деться: большой и указательный пальцы сомкнулись, чуть повернули. Ощущение было как у только что приготовленного мягкого тофу — невероятно нежного и скользкого.

Сян Тянью, в одном исподнем, нагнулся над бадьёй, нависая прямо над Чи Шэнем. Тот, видимо, почувствовал щекотку и тихонько вскрикнул.

Дыхание Сян Тянью сразу стало глубже. Глаза чуть сощурились — зрачки расширились, почти вытеснив радужку. Взгляд сделался странным, почти пугающим. Как у демона, готовящегося пожрать свою жертву.

Чи Шэнь почувствовал острый дискомфорт; давление нарастало. С тревогой он снова позвал:

— Братец...

Сян Тянью встрепенулся, будто пробуждаясь ото сна. Быстро смыл с него остатки мыла, перенёс в последнюю бадью, смыл следы мыла окончательно — и наконец уложил на низкую подставку, застланную чистым полотном: вытер насухо, одел в чистое.

— Братец, вода вся загрязнилась. Как же ты будешь мыться?

Одетый, Чи Шэнь уже не чувствовал прежней неловкости и заговорил о другом.

— Разве я не мылся вместе с тобой? Переодеться — и достаточно. — Говоря это, Сян Тянью без тени смущения снял прилипшее к телу мокрое исподнее.

Чи Шэнь не успел подготовиться — и увидел всё, лицом к лицу. Широкие плечи, осиная талия, длинные крепкие ноги; рельефное тело без одежды казалось ещё внушительнее, чем в одеянии. В груди смешались зависть и восхищение — он решительно отвернулся.

— Неприличное взглядом не созерцают, — произнёс он.

Сян Тянью быстро переоделся, подхватил на руки пахнущего свежим мылом малыша, сидевшего на ковре, и направился в основные покои. Не добравшись и до середины пути, он почувствовал: юноша в его руках уснул. Ночь перерождения духовных корней далась ему нелегко.

Сян Тянью осторожно уложил его и лёг рядом, укрыв их обоих лёгким одеялом. Долго смотрел, не отрываясь. Потом наклонился и прижался губами к левой щеке Чи Шэня.

— Маленький чертёнок, — тихо засмеялся он. — Только и знаешь, что заставлять меня переживать.

Прикоснувшись, он вдруг осознал: щека у Чи Шэня сладкая и нежная — и мысли поплыли куда-то. Медленно, почти незаметно он приблизился снова — и мягко коснулся губами его рта.

<http://bllate.org/book/17417/1657615>